

1

— ЖДУ НЕ ДОЖДУСЬ, когда все начнется, — тараторила Сентария, с тревогой поглядывая на хмурого Эгирина, который, не поднимая глаз, медленно шагал рядом.

— Ты имеешь в виду сегодняшний праздник? — тут же подхватила Лúна, понимавшая желание подруги подбодрить Эгирина.

Вчетвером с Аметрином они медленно шли по длинному, увитому растениями коридору, который вел к главной площади Манибиона. Там их должны были ждать Оникс, Кианит с Целестиной и модницы

Сильвина с Виоланой. Впереди по коридору вприпрыжку скакали Пиритти с Пироппо, которые теперь вечно ошивались поблизости, боясь пропустить очередные приключения, постоянно преследовавшие Луну.

Со дня гибели Мориона и победы над Жадеидой прошло более полугода. За это время Аметрин, Оникс, Кианит и две воздушные подружки окончили школу и сейчас готовились к выпускным экзаменам. На подготовку отводилось два месяца. Для остальных школьников, в том числе и для Луны, наступили долгожданные каникулы.

Драгомирцы понемногу приходили в себя после пережитого потрясения и восстанавливали то, что было повреждено заклятиями ведьмы. Дома, сожженные ею, чтобы Морион мог выманить Луну из дворца, были заново отстроены, и хозяева с радостью вернулись к себе. Несмотря на радушие соседей, приютивших их, они уже очень соскучились по своим жилищам.

Гелиодор, лично руководивший строительством и выделивший для домов лучший огнеупорный камень, приказал украсить крыши флюгерами, которые мелодично звенели при каждом дуновении ветра. На флюгерах мастера изобразили огонь, заключенный в ладонях. Этим Гелиодор хотел показать, что дома надежно защищены от огня.

Поля и леса, уничтоженные полчищами магических насекомых, были засеяны новыми растениями. Благодаря ежедневному уходу, сдобренному чуточкой магии, там уже заколосились первые посевы и зазеленели кустарники.

Но главное, что произошло после смерти ведьмы, — это то, что ее проклятие наконец-то пало. Из каштановых волос целителей исчезли седые пряди. Александрит лично попробовал воспользоваться даром врачевания и вылечил сложный перелом у кристаллианца, который, пытаясь подчинить ветер, упал и сломал ногу. После его исцеления ничего плохого не произошло, и драгомирцы, чуть не плача от радости, кидали вверх шляпы. Хлопать в ладони они не хотели. В их сердцах поселилась нелюбовь к аплодисментам.

Когда последствия долгой войны были устранены, в Драгомире решили устроить праздник в честь победителей ведьмы. Именно туда и шли сейчас друзья. Как-никак они сами, без помощи правителей и старейшин, смогли заманить в ловушку непобедимую Жадеиду.

Эгирин не любил вспоминать события, унесшие жизни его отца и матери, и поэтому был не в духе. Идя по дороге, он сильно волновался, то и дело приглаживая чуть отросшие волосы, лежавшие красивой каштановой волной. Эгирин больше не красил их, чтобы скрыть дар целителя, но пристальное

внимание окружающих смущало его. Он был бы рад вообще не выходить из дома, чтобы не ощущать на себе любопытные взгляды, но близкие и друзья сделали все, чтобы не дать ему закрыться в своем горе.

После победы над черной магией Эгирин остался жить в Смарагдиусе, к радости Сардера и его жены Янтарии*. Высокая, худая, с пронзительным взглядом, эта земная волшебница совсем не походила на заботливую бабушку. Но Янтария, под стать своему имени, была доброй и светлой. Улыбка не сходила с ее лица, а пытливые глаза смотрели ласково и дружелюбно. Эгирин сразу полюбил ее. Рядом с ней его сердце оттаивало. В лице Сардера и Янтарии юноша, потерявший обоих родителей, приобрел близких людей.

Пока Эгирин осваивался, правители задумались о его обучении. И здесь предстояло решить немало проблем. Ведь Эгирину исполнилось шестнадцать лет. К этому возрасту он уже должен был учиться в выпускном классе школы Манибиона. Но по понятным причинам этого не произошло. Он не учился ни в школе Манибиона, ни даже в земной школе, где должен был быть с самого начала. Правители не знали, что и предпринять, в Драгомире никогда не было

---

* Янтарь — окаменевшая смола от светло-желтого до коричневого цвета, используемая для изготовления поделок и украшений.

семнадцатилетних учеников. Разве только второгодники, которые встречались редко — один, может, два на сто лет. Чтобы понять, что делать дальше, Сардер решил проэкзаменовать внука. Каковы же были его удивление и гордость, когда он выяснил, что Эгирин не сильно отстал от ровесников, а кое в чем даже превосходит их.

Его рецепт чернил, которыми была написана записка для Луны, вообще потряс ученого. Он тут же отдал команду запустить новое производство. Вскоре во Флорессии была изготовлена первая партия ручек по этому рецепту. Кроме того, Эгирин, пряча от Жадеиды дар целителя, изобрел безвредную краску для волос. Единственный ее минус заключался в том, что она быстро смывалась. Тем не менее модницы по всему Драгомиру тут же стали щеголять разноцветными прядями. Правители даже опасались, что перестанут отличать своих подопечных от жителей других петрамиумов.

Выяснив, что знаний у Эгирина достаточно, правители решили, что этот год он закончит вместе со сверстниками в школе Смарагдиуса, сдаст экзамены, а потом пойдет учиться в Манибион по индивидуальной программе, вместе с Луной, которая была этому только рада.

А уж как радовались ученые-целители!

Ведь их школа пустовала столько лет. Из-за проклятия способности к целительству не появились

даже у прямых наследников, родившихся до рокового дня. В четырнадцать лет они открыли в себе только основной дар, переходящий по наследству от отца. Поэтому учились в других школах, а целительство проходили по верхам.

А тут настоящий целитель. Даже целых два. Конечно же, ученые ликовали.

Эгирин, счастливый оттого, как удачно все складывается, посветлел лицом и стал чаще улыбаться, с головой уйдя в учебу.

Но не сегодня.

Сегодня его не радовали ни великолепие кованых украшений, ни причудливые фонтанчики с питьевой водой, ни даже гроздь цветов, от аромата которых кружилась голова. Хотя, впервые оказавшись в этой сказочной аллее, Эгирин долго разглядывал чудеса, созданные человеком вместе с природой.

Поэтому друзья лихорадочно искали тему для разговора, которая могла бы вернуть ему хорошее настроение и стереть с лица глубокую печаль. Увидев, что Эгирин начал прислушиваться к беседе, Сентария затараторила еще быстрее.

— Да нет, я не про сам праздник, я про дополнительные поединки, — ответила она на вопрос Луны, на ходу поправляя косички, которые в честь предстоящего события были уложены в замысловатую прическу.

— Какие поединки? — удивленно спросила Луна.

Она хотела увлечь разговором Эгирина, но, услышав новую информацию, заинтересовалась сама.

— Ты разве не знаешь? — при слове «поединки» Пироппо сразу наострил уши.

О поединках выпускников знали все в Драгомире. Любой ребенок мечтал поучаствовать в них.

— Ну ты даешь! — протянул Пиритти, шмыгнув носом.

Луна беспомощно развела руками. Она знала, что, закончив школу, выпускник сдает экзамены, получает напутствие от источника петрамиума, выбирает профессию и затем учится у мастера еще два года. В восемнадцать лет драгомирцы уже всю работу. Все понятно. Но при чем тут какие-то поединки?

— Ну конечно! — хлопнул себя по лбу Пироппо. — Откуда тебе знать о поединках, если их столько лет не проводили из-за войны с этой жабой...

Поймав гневный взгляд Аметрина, Пироппо осекся:

— Ой! То есть с ведьмой... да что ты будешь делать... с врагом, короче.

Он еще раз шмыгнул носом и виновато посмотрел на Эгирина.

— Да нормально все, — сказал тот. — А что там про поединки? Я тоже ничего не понял.

Луна и Сентария радостно переглянулись. В глазах Эгирина зажегся интерес.

— Раньше, еще до войны с этой... короче, давно... после выпуска из школы лучшие ученики участвовали в поединках.

— Это просто мечта мечт — туда попасть, — Пироппо не удержался и начал возбужденно подпрыгивать.

— Но надо хорошо учиться. Мы, конечно, тоже хотим поучаствовать, но наши оценки... — Пиритти вздохнул.

— Это потому, что не было поединков! — возразил Пироппо. — А теперь, раз их вернули, мы как начнем учиться, аж головы задымятся.

— Да иди ты, — от неожиданности Аметрин выдал любимую фразочку младшего брата. — Вы — и учиться? Не смешите меня!

— Фу ты ну ты! — запальчиво выкрикнул Пиритти. — Можно подумать, в нашей семье ты один умный. Да ради поединков мы горы свернем!

— Ну конечно, — усмехнулся Аметрин.

— Вот увидишь! Мы будем лучшими! Мы очень хотим силу алмаза или энергию рубина. Мудрость жемчуга тоже ничего, но она нам и не понадобится. Мы и так будем умными! — затараторили братья.

— Обещаете? — Аметрин заглянул обоим в глаза.

— Да чтоб нам сгореть на месте! — хором сказали братья.

— А можно вмешаться в воспитательный процесс? — деликатно кашлянул Эгирин. — Объясните

уже кто-нибудь, что за поединки и почему все так хотят в них попасть.

14

— Ты себе просто не представляешь! — начал Пиритти.

— Это такое... такое! — подхватил Пироппо. Луна с Эгирином недоуменно переглянулись.

— А ну-ка цыц! — прикрикнул Аметрин на братьев. — Ничего толком объяснить не можете! Либо говорите нормальным языком, либо помолчите и дайте другим рассказать.

— Ну как хотите, — обиделся Пироппо.

— Мы всего лишь хотели описать, — следом за братом надулся Пиритти.

— Конечно... Ребенка всякий может обидеть, — хитро сощурился первый.

— Особенно такой громила! — подхватил второй.

— Послушайте! — взмолилась Луна, зная, что братья могут препираться до бесконечности. — Расскажите уже кто-нибудь. Интересно же!

— Ладно, слушайте, — важно начал Пиритти. — До войны каждый год проводились поединки.

— После каникул, — уточнил Пироппо.

— И экзаменов, — вставил Аметрин.

— Самые умные, как наш Аметрин, или поумнее его, — Пиритти, поймав грозный взгляд брата, на всякий случай отскочил подальше, — получали допуск к поединкам.

— Они ужасно сложные! Как-то было такое испытание страхом, что никто не смог даже выйти в финал. Все участники провалились, испугавшись за свою жизнь, — зловещим голосом добавил Пироппо. — Труссы! Вот я ни за что не испугаюсь!

— Но если ты становишься победителем, то тебя ждет такое! — Пироппо замахал руками в воздухе, пытаясь показать, что таинственное «такое» было невообразимым.

— Ну! — не выдержал Эгирин, устав смотреть на ужимки братьев. — Какое «такое»?

— Выпускник, занявший третье место, — вновь вмешался Аметрин, — получает энергию рубина и звание Рубинового мага третьего уровня. И он будет учиться не у мастера, а у настоящего викариума. И потом может стать его помощником.

— Ничего себе, — пораженно выдохнули Луна с Эгирином.

— Это вы еще другие призы не знаете, — хохотнули Пиритти с Пироппо.

— Да-да, — подхватила Сентария. — Я мечтаю занять второе место. За него дают мудрость жемчуга, то есть способность запоминать все, что когда-то прочитал или увидел.

— Зачем тебе это? — рассмеялась Луна. — У тебя и так не голова, а энциклопедия!

— Эх, тебе не понять, — вздохнула Сентария.

В мечтах она уже видела себя профессором в окружении пробирок и реторт*. А рядом в горшке благоухал ее личный цветок сентариум прекраснейший, который она наконец-то смогла вывести, получив мудрость жемчуга.

— Почему не понять? — возразила Луна. — А наставником, видимо, будет сам правитель? — Ага, — кивнула Сентария с блаженной улыбкой. — Выходит, первое место дает возможность учиться у старейшин? — догадалась Луна.

— А то! — воскликнул Пиритти. — А еще силу алмаза и титул Алмазного мага первого уровня.

— Для меня учиться у правителя — это уже за гранью возможного, а о старейшинах я и думать боюсь, — признался Аметрин. — Теперь вы понимаете, почему вокруг поединков такой ажиотаж. Я рад, что в этом году их решили возобновить. Уверен, с экзаменами справлюсь. И даже заявку написал. Осталось только внести в нее полученные баллы, и можно готовиться к поединкам.

Эгирин взволнованно посмотрел на него.

— Учиться у величайших людей Драгомира! Конечно! Есть от чего потерять голову. Да еще и получить дополнительные способности. Я тоже хочу поучаствовать! — загорелся он.

---

* Реторта — емкость с загнутым книзу носиком, которая используется для нагревания жидкостей при химических опытах.

— Понимаю, многие хотят, — кивнул Аметрин. — Я, например, мечтаю попасть к господину Гелиодору или Андалузиту, чтобы после обучения стать хорошим воином. Защищать Драгомир, стоять в первых рядах, вместе с правителями, а не за их спинами, — моя самая большая мечта.

— И моя! — поддакнул Пиритти.

— И моя! — тут же влез Пироппо.

— Но вы бы могли поучиться у своего отца, он же военный викариум, — недоуменно сказал Эгирин.

— Так не принято. Я могу получить доступ к тайнам военного дела только после того, как заслужу это, докажу, что достоин доверия. Для этого нужно победить в поединках. Но я уверен, что у меня получится.

— Ты особо-то не зазнавайся, — усмехнулась Сентария. — Соперники у тебя будут тоже сильные.

— Кого ты имеешь в виду? Своего ненаглядного Оникса? Да я в два счета его одолею, — хмыкнул Аметрин.

— Во-первых, он не мой ненаглядный, а просто друг, — щеки Сентарии порозовели от досады. — Во-вторых, Кианит тоже наверняка будет участвовать. Если бы поединки заключались только в состязаниях на выносливость и силу, ты, может, и выиграл бы. Но на некоторых этапах задания интеллектуальные и на магическое мастерство...

— То есть ты хочешь сказать, что я глупее Кианита с Ониксом? — неожиданно разозлившись, перебил Аметрин.

Пиритти с Пироппо многозначительно переглянулись, но, увидев гневную складку на лбу старшего брата, передумали хихикать.

— Эй, друг! Полегче, — Эгирин встал между Аметрином и Сентарией. — Не надо кричать, не горячись. Ты чего?

Сентария упрямо вздернула подбородок и, взглянув из-за плеча Эгирина, прошипела, хотя Луна предостерегающе сжала ее ладонь:

— Внушительные мышцы еще не признак большого ума!

Пиритти и Пироппо, чуть не лопааясь от смеха, который грозил вырваться наружу, издавали хрюкающие и булькающие звуки.

— Что?! — Аметрин потерял обычное хладнокровие и, легко отодвинув Эгирина, как гора навис над девушкой, которая едва доставала ему до плеча. — Ну и иди куда подальше вместе со своими Ониксами и Кианитами!

Глядя на побагровевшего Аметрина, Луна опешила. Уж она-то привыкла видеть его всяким. Но ничто и никто не мог вывести сдержанного Аметрина из себя, даже бесконечные проделки Пиритти и Пироппо.

У Сентарии на глаза навернулись слезы. Пытаясь их сдержать, она крепко сжала кулаки. Чтобы скрыть обиду, девушка фыркнула и отвернулась, пробурчав себе под нос:

— Выращу самый уродливый цветок и назову его аметриниум наипротивнейший.

Луна чуть не рассмеялась, но потом серьезно обратилась к Аметрину:

— Ты не прав. Сентария вовсе не хотела тебя обидеть. Она всего лишь сказала правду. У тебя есть достойные соперники. Кианит и Оникс также могут выиграть главный титул. Сильвина с Виолоной, как и ты, прекрасно окончили школу и тоже захотят участвовать.

— И я, — заявил Эгирин. — Теперь ты скажешь Сентарии, чтобы она шла куда подальше вместе с Ониксом, Кианитом, воздушными подружками и мной? Нельзя недооценивать соперников. Это самая большая ошибка при любых военных действиях. Ты как будущий военный должен это знать.

Аметрин глубоко вздохнул, ему уже стало стыдно. И правда, чего он так завелся?

— Извини! Не знаю, что на меня нашло, — проговорил он, избегая смотреть Сентарии в глаза. — Просто я не доверяю Ониксу. Не знаю почему. Слишком он какой-то умный, что ли. Да еще и ходит за тобой как привязанный.

20

Та смерила его многозначительным взглядом и отвернулась, приняв самый высокомерный вид, который только могла.

«Сдается мне, дело попахивает ревностью», — чуть не сказала Луна, однако вовремя прикусила язык, опасаясь очередной вспышки гнева. Но любопытного взгляда все же не сдержала. А уж Пиритти с Пироппо всюю пялились на старшего брата. Долго сдерживаемые ухмылки все же вырвались наружу, растянув рты до самых ушей.

— Чем он тебе не нравится? — спросил Эгирин. — По мне, так он сильный маг.

— Не знаю, — проворчал Аметрин. — Не нравится, и все. Эти его шуточки постоянные. А еще дурацкий хвостик. Это же надо себе такую прическу сделать. Шут и пустослов, одним словом.

— Теперь больше нет ни шуточек, ни хвостика, — возразила Луна. — Оникс постригся и оставил привычку всех подначивать. И вообще сильно изменился. И с тем, что он талантлив, я соглашусь. Мне он здорово помог, научил древнейшему заклинанию. Так что ты несправедлив.

— А если кто-то не в духе, то пусть пойдет и покричит, к примеру, на бревно или на забор, а лучше в зеркало, чтобы соперник соответствовал его габаритам. К тому же будет прекрасно, если этот кто-то увидит себя со стороны, — язвительно проговорила

Сентария, по-прежнему обиженная на Аметрина, невзирая на все его извинения.

— Да понял я, понял, — примирительно пробубнил Аметрин. — Больше не трогаю вашего драгоценного Оникса.

— Да не наш он! — уже хором воскликнули возмущенные девушки.

— Ну что, выяснили наконец, чей Оникс? — с сарказмом сказал Эгирин. — Я могу задать вопрос?

— Конечно, — закивали друзья.

— Значит, в случае победы в поединках можно будет продолжать обучение, но уже под руководством самих старейшин или правителей?

— Да, ты правильно понял.

— А я тоже могу подать заявку?

— Не уверен. К поединкам допускаются только выпускники, а у тебя впереди еще школа целителей, — покачал головой Аметрин. — Ты сможешь подать заявку на будущий год. Как раз успеешь в ускоренном режиме окончить школу Манибиона.

— Я тоже в следующем году буду участвовать, — сказала Сентария. — Ты можешь пойти со мной. Я буду только рада. Интересно состязаться с достойными соперниками.

— В семнадцать лет и в поединки? Ну уж нет, — не согласился Эгирин. — Мне будет стыдно соревноваться с вами. Не в обиду тебе, — уточнил он, глядя на Сентарию, которая готовилась возразить. — Я вовсе

не считаю тебя слабой или что ты там еще успела придумать. Просто мне самому будет неловко, будто я поступаю нечестно.

Сентария, которая уже успела набрать воздуха и приготовить целую кучу возражений, на секунду задумалась и шумно выдохнула, признавая правоту Эгирина.

— Но что же делать? Как ты можешь участвовать в этом году, если ты не закончил школу Манибиона? По идее, тогда у тебя должны были быть двойные экзамены. А ты готовишься к сдаче только земной магии. Без целительства нельзя.

— Я думаю, можно сделать следующее. Я сдам экзамены в Смарагдиусе и как выпускник земной школы пойду участвовать в поединках. Но, учитывая, что у меня два дара, в случае победы наставником для себя я выберу правителя или старейшину Манибиона и тем самым получу возможность изучать целительство.

— А это идея. Так будет даже лучше, — задумчиво проговорил Аметрин. — Можно попробовать поговорить с правителями. Нужно получить их разрешение. Если все удастся, я был бы рад соревноваться именно с тобой.

— Ну да, — ухмыльнулся Эгирин, — у меня же нет хвостика и дурацких шуточек.

— Да нет, дурацкие шуточки у тебя все-таки есть, — захохотал Аметрин.

Довольные друзья хлопнули друг друга по плечам так, что, будь на их месте кто послабее, не устоял бы на ногах.

— Идея, конечно, прекрасная, — тихо сказала Луна. — Только старейшины Манибиона до сих пор нет. Никого не назначили после Празета.

Все притихли и тяжело вздохнули, вспоминая Празета, который совсем немного не дождал до освобождения Драгомира от проклятия Жадеиды. Продолжавший лечить людей несмотря ни на что, он уже был почти седым и готовился в любой момент перейти в мир забвения, приняв муки, на которые обрекало целителей проклятие.

Один из учеников Празета умер, когда его голова полностью побелела, испытав перед смертью все те болезни и ранения, от которых он излечил пациентов. После этого целителям запретили лечить как раньше. Драгомирцы, боясь потерять целителей, стали обращаться за помощью гораздо реже.

Только Празет не слушал никаких запретов и брался за самые тяжелые и сложные ранения, не давая никому приблизиться к пострадавшему. Он готовился умереть на посту. Но судьба распорядилась иначе.

Празет ушел тихо, без мучений, замерзнув во сне, в ту роковую ночь, когда ведьма наслала на Манибион ледяной холод.

Луна долго плакала, узнав о его гибели. Но она понимала, что, если бы Празет не замерз в ту ночь, он все равно не дожил бы до исчезновения проклятия. Останься он в живых, то обязательно бросился бы помогать пострадавшим от холода. Попытался бы спасти замерзших на смерть воинов. И тогда мучительная смерть настигла бы его самого.

Значит, нужно было смириться со случившимся и признать, что судьба уберегла Празета от страшных мучений. Из уважения к его памяти место старейшины Манибиона пока пустовало. Но так не могло продолжаться вечно, рано или поздно новый старейшина заступит на пост.

Раздумывая об этом, друзья продолжали путь.

